

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА
о диссертации Бориса Андреевича ШИШКИНА «КОНФЛИКТОГЕННЫЕ И
СИНТОННЫЕ КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ ВИРТУАЛЬНОГО
МЕДИАДИСКУРСА (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКО-, АНГЛО- И
ЯПОНОЯЗЫЧНЫХ ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСОВ)», представленной
на соискание ученой степени кандидата филологических наук
по специальности 5.9.8. Теоретическая, прикладная
и сравнительно-сопоставительная лингвистика

Степень распространения и потенциальный охват виртуального медиадискурса в современном мире настолько огромны, что не возникает никаких сомнений в необходимости изучения и теоретического осмысления специфики его продуцирования и потенциального / реального восприятия целевой аудиторией.

Цифровой и физический миры, в которых современный человек существует одновременно, все глубже проникают друг в друга, вследствие чего «проникновение цифровых технологий в социальные отношения делает практически невозможным отказ от «онлайн»-составляющей человеческой жизни» [Труфанова Е.О. Человек в цифровом мире: «распределенный» и целостный // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2021. Вып. 3. С. 370-375. DOI 10.17072/2078-7898/2021-3-370-375]. Сказанное в полной мере можно отнести к конфликту как неотъемлемой стороне социальных отношений. Бесспорно, конфликт, т.е. антагонизм, оппозиция, препятствующие конструктивному взаимодействию социальных и профессиональных групп, этносов, религиозных течений и / или конфессий, исходно представлял собой факт мира физического. Анонимность виртуальной среды, создаваемой техническими средствами, физическая дистантность в ней коммуникантов, а также возможность конструирования отдельного виртуального образа говорящего способствовали тому, что конфликт достаточно быстро перебрался и в цифровую среду, не потеряв при этом связи с исходной средой проявления. Соответственно, нередки случаи, когда зарождающийся в цифровой среде конфликт впоследствии приобретает вполне физические формы, выливающиеся в проявления нетерпимости и ненависти по

расовому, половому, этническому и другим признакам. Иными словами, конфликт приобретает гибридную форму, что, безусловно, не способствует его ограничению.

В этой связи особую важность приобретает конструктивная, кооперативная, синтонная коммуникация: участникам коммуникативного процесса необходимо осознавать то, какие стратегии и тактики могут быть применены для выстраивания именно конструктивного общения. Немаловажно также понимать и то, как взаимодействуют синтонная и конфликтогенная разновидности коммуникации, какие тактики конструктивного общения могут быть применены для эффективного купирования назревающего или уже имеющего место конфликта.

Все перечисленные факторы, как представляется, определяют несомненную **актуальность** предпринятого Б.А. Шишкиным исследования.

Методологически диссертант опирается на достаточно солидную теоретическую базу, заложенную работами отечественных и зарубежных лингвистов, психолингвистов, философов и психологов по общесемиотическим и философским вопросам теории виртуальности и виртуальных медиа, проблематике конфликтогенного и синтонного коммуникативного взаимодействия, общей теории и методологии дискурс-анализа и изучения естественного языка цифровыми методами и иным смежным вопросам (в частности, труды Л. Витгенштейна, С.Г. Воркачева, Е.И. Горошко, Т.А. ван Дейка, Т.Г. Добросклонской, В.И. Карасика, Н.И. Клушиной, Дж. Лича, М. Маклюэна, Г.Н. Манаенко, В.В. Савчука, В.Е. Чернявской, У. Эко и др.).

Оценка релевантности и валидности общенаучных и дисциплинарных методов, использованных диссертантом при проведении рецензируемого исследования, не выявила сколько-нибудь значимых противоречий между заявленной целью, исследовательскими задачами, эмпирическим материалом и комплексом методов, использованных для решения поставленных задач. Некоторые частные вопросы, касающиеся уточнения сущностной стороны примененных Б.А. Шишкиным методов, будут подняты в полемической части отзыва, сейчас же

нельзя не отметить, что рецензируемая диссертация представляет собой хороший пример умелого сочетания традиционных и цифровых методов лингвистического анализа дискурса. Еще в середине прошлого века В.А. Успенский подчеркивал, что «Проникновение математических, в частности статистических, методов в языкознание, несомненно, плодотворно. Эти методы могут играть очень важную, но все же подчиненную роль при решении лингвистических проблем», поскольку полная формализация реальной речевой деятельности, реального коммуникативного процесса в виде математико-статистической модели, судя по всему, вряд ли возможна [Успенский В.А. Сопровождение по статистике речи // Вопросы языкознания. 1958. № 1. С. 170-173]. Важно подчеркнуть, что диссертант не просто использовал готовые цифровые инструменты, предназначенные для анализа текста, но и внес в них определенные изменения и уточнения на уровне программного кода для адаптации функционала этих инструментов для выявления и системного ранжирования общих и частных тактик синтонной и конфликтогенной коммуникации. В контексте сказанного, авторский методологический подход можно рассматривать как важный аспект **научной новизны** представленного исследования.

Другие аспекты **теоретической значимости** и **научной новизны** рецензируемого труда закономерно определяются **теоретико-эмпирическими результатами, полученными лично диссертантом**. Таковые, на мой взгляд, сводятся к следующему.

1. Представлена оригинальная авторская трактовка понятия «виртуальные медиа», в рамках которой они рассматриваются как особые компоненты цифровой среды, предоставляющие потребителям возможность коммуникативного контакта, характеризующегося имманентными свойствами иммерсивности и экстрагируемости на фоне возможной актуализации такого значимого факультативного параметра, как *downtime*. На основе представленной

теоретической трактовки дается нетривиальное, но при этом последовательно обоснованное определение объекта изучения, т.е. виртуального медиадискурса.

2. Конфликтогенность и синтонность рассматриваются автором как определенные когнитивные механизмы, действие которых неизбежно основывается на дихотомии «СВОЙ» :: «ЧУЖОЙ». Данные когнитивные механизмы лежат в основе соответствующих глобальных коммуникативных стратегий.
3. В ходе анализа эмпирического материала доказано, что определенные языковые средства, исходно коррелирующие с конфликтогенной или синтонной макростратегиями, частотно используются для практической реализации противоположной макростратегии ввиду семантических приращений в дискурсе, многоплановости смысловой структуры и неоднозначной интерпретации анализируемых дискурсивных фрагментов. Соответственно, выделяются пять основных разновидностей указанных макростратегий: синтонная; синтонная с конфликтогенными элементами; нейтральная; конфликтогенная с синтонными элементами; конфликтогенная.
4. Выявлены определенные общие тенденции в вербализации конфликтогенности и синтонности в виртуальном медиадискурсе в рамках русской, английской и японской лингвокультур как на уровне прагматики, так и на уровне инвентаря средств языковой реализации.

Научную дискуссию с диссертантом предлагаю выстроить на основе следующих полемических замечаний.

1. Описывая методику отбора эмпирического материала, Б.А. Шишкин утверждает: «... данный подход обеспечивал общую репрезентативность и концентрированность материала, а отобранные для исследования языки позволили выявить наиболее точные универсалии в формировании конфликтогенных и синтонных коммуникативных стратегий виртуального медиадискурса» (*стр. 9 диссертации*). О каких универсалиях идет речь? Если под универсалией понимать общую склонность носителей разных языков и

представителей разных лингвокультур к конфликтогенному поведению по отношению к представителям полюса «ЧУЖОЙ», с одной стороны, и к конструктивному, поддерживающему поведению по отношению к представителям полюса «СВОЙ», с другой стороны, то тут диссертант, безусловно, прав, т.к. это одна из базовых и наиболее очевидных особенностей человеческого поведения. Вместе с тем, эта особенность не нуждается в выявлении: она была выявлена и неоднократно описана с различных ракурсов задолго до диссертанта. Если же автор имеет в виду универсальность *репрезентации* конфликтогенного и синтонного речевого поведения в рамках разных лингвокультур, то такой тезис представляется не очевидным, а скорее спорным, и результаты практического анализа во второй главе лишь подтверждают это. Определенные расхождения между тремя лингвокультурами выявляет сам автор (ср., например, наблюдения, касающиеся коммуникативных тактик в японской лингвокультуре, на *стр. 175 и след.*). Наконец, в связи с процитированным тезисом возникает и еще один немаловажный вопрос: известны ли диссертанту какие-либо критерии точности языковых / речевых универсалий?

2. После знакомства с работой остается непонятным, что имел в виду автор под «лингвостатистическим методом». На *стр. 109 диссертации* автор делает попытку уточнить: «... статистический и компьютерно-лингвистический анализ был осуществлен на основе упомянутой ранее библиотеки NLTK и заключался в выявлении частотных характеристик составленных корпусов, а именно количества применяемой лексики, коллокаций, анализа употреблений конкретных тактико-топикальных направленностей, и их ранжирование». К сожалению, ни выявление частотности, ни ранжирование конкретных тактик синтонной или конфликтогенной коммуникации (опять же – по частотности реализации) к лингвистической статистике прямого отношения не имеют, это чисто количественные методики. Лингвостатистика (или – в немного более

узком смысле – статистика речи), как определял ее еще В.А. Успенский, связана прежде всего с изучением энтропийных характеристик речи на основе вычисления и сопоставления величин статистического распределения.

3. В контексте соображений, высказываемых Б.А. Шишкиным в разделе 1.2, хотелось бы обратить внимание автора на то, что цифровой поликодовый текст и кибертекст – явления не рядоположенные, как может показаться из представленного теоретического анализа. Кибертекст представляет собой такое вербальное или поликодовое произведение, в ходе взаимодействия с которым реципиент принимает собственные решения (в том числе, вырабатывает собственную стратегию коммуникации) и, как итог, приходит к уникальному результату. Для кибертекста принципиально важно постоянное взаимодействие с реципиентом, его участие в развитии сюжета такого текста. Цифровой поликодовый текст в целом такими особенностями может не обладать, и тексты, рассматриваемые в рамках данной диссертации, не могут быть квалифицированы как кибертекст.
4. Некоторые вопросы как частного, так и общего порядка вызывает авторская трактовка примеров (1)-(4) на *стр. 120-121 работы*. Б.А. Шишкин полагает, что во всех четырех цитируемых им комментариях одновременно прослеживается сближение продуцентов «со «своей» группой на основе синтонного взаимодействия и отдаление ... от группы оппонентов», выражаемое посредством языковых единиц, вербализующих конфликтность. Это позволяет диссертанту маркировать данные примеры как синтонную коммуникацию при помощи конфликтных языковых средств. Между тем, конкретные маркеры сближения со «своей» группой прослеживаются только в примерах (4) и – с некоторой натяжкой – (1), в то время как контексты (2) и (3) эксплицитно демонстрируют именно антагонизм по отношению к третьим лицам, поставившим исходной публикации дизлайк. Каким образом и на основе каких исследовательских процедур в примерах (2) и (3) были выделены маркеры

синтонной коммуникации? В чем принципиальное отличие данных контекстов от, допустим, примера (1) на *стр. 122*, который квалифицируется как конфликтогенная коммуникация? Позволю себе также поставить и более общий вопрос: если синтонная коммуникация имеет «общий коммуникативный вектор», который сфокусирован на защите «своей» группы, не ведет ли это к пониманию практически любой конфликтогенной коммуникации как синтонной?

5. Из предыдущего пункта вытекает и следующее общее наблюдение: при описании хода исследования Б.А. Шишкин допускает определенный дисбаланс. Цифровому аспекту изучения синтонной и конфликтогенной коммуникации уделяется заметно больше внимания, чем процедурам и критериям семантической и логико-смысловой интерпретации (выявления «ноэматиического наполнения») языковых и речевых единиц, при помощи которых осуществляются данные виды коммуникации.
6. Не всегда понятен и отбор конкретных языковых средств, акцентируемых диссертантом в качестве маркеров синтонного или конфликтогенного речевого поведения. В частности, показателен пример (2) на *стр. 129*: «**Мирного Неба** над головой всем. **С Рождеством** 🙏», в котором релевантными языковыми средствами синтонной коммуникации признаются «Мирного Неба» и «С Рождеством». Почему в данном и подобных ему случаях не учитывается эмфатизирующая роль местоимения «все»? Учет роли данного местоимения несколько уточняет и представляемую Б.А. Шишкиным трактовку подобных контекстов: в них как раз не представлена сепарация аудитории на «своих» и «чужих», как полагает соискатель – наоборот, вербализуемое пожелание предназначено именно всем. Возможно, в подобных случаях следует вести речь о максимизации синтонной коммуникации? Сомнительна и интерпретация примера о мигрантах в Московской области, приводимого на *стр. 136*: автор по

какой-то причине не усматривает в данном контексте вполне очевидную иронию и предпочитает трактовать смысл комментария буквально.

7. Текст диссертации несколько перегружен лексическими единицами, представляющими собой транслитерацию или транскрипцию иностранных слов (например, *гэп, тайминг, деструкция, инфогенеративное плюралистическое пространство, селективные компоненты информации* и др.). Во многих случаях приведенные слова и подобные им можно было бы заменить русскоязычными аналогами без ущерба для смысла и научного уровня изложения (к примеру, *мультифокальный – разноаспектный* и т.д.). Справедливости ради подчеркну, что данный комментарий не относится к чисто терминологическим номинациям (таким как *иммерсивность, экстрагируемость* и др.), они представляются вполне уместными в общем контексте рецензируемого труда.

Приведенные выше дискуссионные соображения и вопросы не умаляют научной ценности проведенного Б.А. Шишкиным исследования, не дезавуируют сделанные им выводы, не затрагивают методологических основ диссертации и не опровергают положения, выносимые на защиту. В ходе работы с использованием апробированных лингвистических методов и технологий Б.А. Шишкиным лично получены значимые теоретические и практические результаты, поддающиеся верификации.

В тексте диссертации полностью раскрыты и обоснованы положения, выносимые на защиту, выдвигаемые общие и частные тезисы иллюстрируются достаточным количеством примеров, сопровождаемых авторским комментарием; результаты анализа, проведенного посредством цифровых инструментов, а также количественные данные получили информативную визуализацию. Отдельно стоит отметить и информативность приложения к основному тексту работы.

Автореферат диссертации и публикации в научных изданиях (в том числе – в журналах, включенных в Перечень рекомендованных ВАК при Минобрнауки РФ) в достаточной мере отражают основные положения исследования.

Анализ рецензируемого научного труда позволяет утверждать, что он полностью соответствует паспорту научной специальности 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика, характеризуется внутренним единством, логически завершен, выполнен самостоятельно и полностью соответствует всем требованиям и нормативам, установленным в пунктах 9-14 «Положения о присуждении ученых степеней» (утверждено постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 года № 842 с последующими изменениями и дополнениями), в части актуальности, ценности представленных трактовок для современной науки, репрезентативности эмпирического материала, верифицируемости гипотезы, практической ценности, полноты апробации теоретических и практических результатов.

Автор рецензируемой диссертации **Борис Андреевич ШИШКИН** заслуживает присуждения ему искомой ученой степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика.

«05» ноября 2025 года

Официальный оппонент

доктор филологических наук (*специальность 10.02.19 – теория языка*), доцент, профессор кафедры теоретической лингвистики и практики межкультурного общения, главный научный сотрудник научно-образовательного центра «Прикладная лингвистика, терминоведение и лингвокогнитивные технологии», проректор по научно работе и развитию интеллектуального потенциала ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет»

Олег Алимуратович Алимуратов

Контактная информация:

Алимуратов Олег Алимуратович

Наименование основного места работы: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Пятигорский государственный университет»

9

Подпись _____ заверяю
НАЧАЛЬНИК УПРАВЛЕНИЯ КАДРОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ
..... А.В. Кленин
ФГБОУ ВО «ПЯТИГОРСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
05 11 25

Адрес: 357532, Ставропольский край, г. Пятигорск, проспект Калинина, 9.

Тел.: (8793) 400-175.

Факс: (8793) 400-310.

E-mail: alimuole@mail.ru

Web-сайт организации: www.pgu.ru